
Представления о влиянии природных условий среды обитания на формирование характера человека в Японии: анализ содержания и бытования текстов «Дзинкокуки» и «Син дзинкокуки»

© 2020 г. С.А. Родин

Институт классического Востока и Античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3.

E-mail: stephiroth@yandex.ru

Поступила 25.10.2019

Статья посвящена анализу двух японских текстов, «Дзинкокуки» («Записи о людях и провинциях», XVI в.) и его более поздней переработанной версии, «Син дзинкокуки» («Новые “Записи о людях и провинциях”»), созданной конфуцианским ученым и картографом Сэки Соко в 1701 г. «Син дзинкокуки» считается одним из первых японских атласов, поскольку Сэки не просто отредактировал и расширил оригинальный текст, но также добавил карты к описаниям всех японских провинций. Оба текста расцениваются японскими учеными в качестве важного источника по изучению истории психологии среды, или геопсихологии. Подробный анализ их содержания позволяет получить новую информацию об идеях и концепциях влияния окружающей среды на формирование поведенческих моделей и свойств характера обитателей конкретной местности в Японии XVI–XVIII вв. В начале XX в. отдельные японские мыслители, многие из которых играли ключевые роли в деле распространения западных наук в стране, были одержимы идеей определения специфически японского типа мышления и поведения, что не только отличало бы японцев от остального мира, но ставило бы их выше других. Поиски корней *Ямато дамасии*, «духа Японии» и критериев японской уникальности в отношении японцев к собственной природе, наряду с попыткой сделать некоторые исторические ценности отдельной социальной группы, самураев, ценностями всей нации, оживили интерес к «Дзинкокуки» и «Син дзинкокуки», которые превратились в орудие государственной пропаганды. Во второй части статьи проанализированы работы психолога Ватанабэ Тоору, осуществившего первую научную публикацию данных текстов; его научная карьера выглядит как один длинный путь к «Записям о людях и провинциях».

Ключевые слова: «Дзинкокуки», Сэки Соко, Ватанабэ Тоору, геопсихология.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-168-179

Цитирование: Родин С.А. Представления о влиянии природных условий среды обитания на формирование характера человека в Японии: анализ содержания и бытования текстов «Дзинкокуки» и «Син дзинкокуки» // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 168–179.

Conceptualizations of natural habitats' influence on the formation of the people's character in Japan: *Jinkokuki* and *Shin Jinkokuki* texts' and studies' analysis

© 2020 r. Stepan A. Rodin

Institute for Oriental and Classical Studies of National Research University "Higher School of Economics", 21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: stephiroth@yandex.ru

Received 25.10.2019

The article is mainly based upon the analysis of two Japanese texts, *Jinkokuki* ("Records of the people and the provinces", 16th century) and its later revised version *Shin Jinkokuki* ("New records of the people and the provinces"), created by a confucianist scholar and cartographer Seki Soko in 1701. The latter is often considered to be one of the first Japanese atlases as Seki not only revised and enlarged the original text, but also added maps to the descriptions of all of the Japanese provinces. Both texts are valued by Japanese scholars as fruitful sources for studies in the history of environmental psychology, or geopsychology, and a careful study of its' content provides some new information on the ideas and concepts of natural habitats' influence on the formation of behavioral models and personal qualities typical to the inhabitants of certain areas within Japan in 16th-18th centuries. In the first half of the 20th century some Japanese authors, many of them playing leading roles in the introduction of western science into Japan, were obsessed with the idea of formulating typically Japanese way of thinking and behaving, that would not only differentiate the Japanese from others, but also make the nation consider itself better than those others. The search for roots of *yamato-damashii* and Japanese uniqueness in terms of relations between the Japanese people and the country's nature, just as an attempt to make some certain values of the samurai class nationwide revitalized interest in *Jinkokuki* and *Shin Jinkokuki*, which were used as an instrument of state propaganda. The second part of this article analyses works by Watanabe Tooru, a psychologist who issued the first scholarly publication of these texts and who's academic career seems to be a one long road to "Records of the people and the provinces".

Keywords: *Jinkokuki*, Seki Soko, Watanabe Tooru, geopsychology.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-168-179

Citation: Rodin, Stepan A. (2020) "Conceptualizations of natural habitats' influence on the formation of the people's character in Japan: *Jinkokuki* and *Shin Jinkokuki* texts' and studies' analysis", *Voprosy filosofii*, Vol. 1 (2020), pp. 168-179.

В истории японской словесности особое место занимают тексты географической тематики, связанные с описанием и осмыслением пространства. Еще в период Нара (710–794) по указу императрицы Гэммэй от 2-го дня 5-й луны 6-го года *Вадо* (713 г.) были выполнены тщательные записи касательно природных условий, обычаев и преданий отдельных провинций, составлявших территорию государства: «Приказано записать хорошими иероглифами все уезды и села во всех провинциях в Кинай и в семи округах. Также приказано сделать тщательные записи относительно имеющих в этих уездах серебра, меди, красителей, трав, деревьев, птиц, зверей, рыб и насекомых, а также записать сведения относительно качества земель, происхождения названий гор, рек, долин и полей, положить на бумагу рассказываемые стариками древние предания и диковинные истории» (пер. А.Н. Мещерякова) [Сёку нихонги 2018, 176].

Такие записи получили название *фудоки* («записи о ветре и земле», в современном японском языке сочетание *фудо* используется в значении «природные условия»). До нашего времени в полном объеме сохранились полные описания пяти провинций – Идзумо, Хитати, Харима, Бунго и Хидзэн [Идзумо-фудоки 1966; Древние фудоки 1969]. Остальные тексты доступны лишь фрагментарно. После VIII в. японское государство долгое время не предпринимает подобных крупномасштабных проектов.

Безусловно, упоминание топонимов в текстах любого жанра – от государственной хроники до японоязычной поэзии *вака* – составляет значительную часть культурного кода, вмонтированного в произведение и подлежащего дешифровке, однако в рамках одного текста подобные сведения носят лишь фрагментарный характер. Так, например, в путевых дневниках описываются лишь те провинции и места, через которые пролегает путь поэта или паломника. В официальных хрониках акцент смещен на фиксацию событий государственной значимости в конкретной местности – засуха, паводок, неурожай, голод, мятеж, обнаружение счастливого знамения [Мещеряков 2001; Симонина-Гудзенко 2016]. Ни один из памятников древне- и раннесредневековой японской словесности не содержит описания всех японских провинций, предполагающего характеристику как природных условий, так и нравов людей, проживающих на конкретной территории.

Возможно, первым текстом подобного рода стал «Дзинкокуки» («Записи о людях и провинциях», XVI в.), в двух свитках которого представлено описание всех 66 провинций и двух островов средневековой Японии. В 1701 г. конфуцианский мыслитель, картограф Сэки Соко (1659–1728/33) отредактировал и дополнил данный текст, а также снабдил описание каждой провинции географической картой. Это издание вошло в научный оборот под названием «Син дзинкокуки» («Новые записи о людях и провинциях»). В обеих версиях прослеживается идея взаимосвязи между природно-климатическими и географическими условиями, характерными для конкретной местности, и нравами, обычаями и поведенческими моделями людей, ее населяющих, благодаря чему данные тексты могут представлять интерес для исследователей формирования воззрений средневековых японцев на природу, специалистов в области гуманитарной географии, а также психологов. К настоящему времени «Записи о людях и провинциях» изучены в малой степени. Существует два научных комментированных издания «Дзинкокуки» и «Син дзинкокуки» [Кюсин дзинкокуки 1948; Дзинкокуки синдзинкокуки 1987], также предпринимались независимые любительские попытки их перевода на современный японский язык [Дзинкокуки web], однако количество научных статей и упоминаний в специальной литературе стремится к нулю. В Японии к «Записям о людях и провинциях» в основном обращаются исследователи-психологи [Укия и др. 2014 web; Укия и др. 2015 web]. В англоязычной литературе «Дзинкокуки» не посвящено ни одного специального исследования, встречаются лишь единичные упоминания. Так, например, Карэн Виген обращается к «Син дзинкокуки» Сэки Соко с целью анализа составленной им карты провинции Синано, игнорируя текст [Wigen 2010, 86], а Фабиан Дрикслер в обстоятельном исследовании исторической демографии и проблем инфантицида в Японии XVII – первой половины XX в. ссылается на фрагмент описания провинции Муцу, в котором говорится об обычае варваров тех земель умерщвлять всех детей, начиная с третьего [Drixler 2013, 196–197]. В русскоязычной японистике к «Записям о людях и провинциях» обращался только А.Н. Мещеряков, проанализировавший политические мотивы, присутствующие в предисловии Сэки Соко к памятнику [Мещеряков 2014, 222–223]. На этом фоне особенно удивителен, пусть и умеренный, но устойчивый, интерес к памятнику со стороны рядовых японских читателей, которые отмечают тонкость наблюдений средневекового автора и проводят параллели с современными манерами и нравами жителей отдельных префектур, на месте которых ранее располагались провинции. Не последнюю роль в привлечении внимания к «Записям о людях и провинциях» в последнее время сыграли японские СМИ, в частности корпорация Nippon Television, с 2007 г. выпускающая еженедельную развлекательную передачу «Химицу кэммин»

(«Тайны населения префектур»), в доступной манере рассказывающую об особенных чертах префектур и «характере» их населения. Приводимые в «Дзинкокуки» описания также легко поддаются стереотипизации. Универсализация характеристик, исключение исторического подхода при рассмотрении описываемых реалий становятся инструментом локальной идентификации, который в свою очередь может быть использован в популистских целях – для возвеличивания качеств населения одной местности и унижения жителей другой. До начала XX в. японские мыслители и литераторы наиболее охотно цитировали те фрагменты текста, которые выставляют жителей нелюбимых ими провинций в дурном свете. Например, известный художник и ученый-рангакуся периода Эдо (1603–1868) Сиба Кокан (1747–1818) не без насмешки пишет о людях провинций Танго и Инаба, ссылаясь на «Дзинкокуки»: «И даже если есть среди них талантливые, то все глупые. А если есть знающие, то ни на что не годятся» [Кюсин дзинкокуки 1948, 53]. В первой половине XX в. «Записи» прочно войдут в арсенал поборников особого «духа Японии» и будут служить одним из инструментов массовой пропаганды.

Старые и новые «Записи о людях и провинциях»: природа текстов и природа в текстах

Несмотря на то что оба варианта «Записей о людях и провинциях» участвовали в информационном обороте в Японии XVIII–XIX вв. (известно порядка 70 вариантов рукописей и печатных изданий), происхождение оригинального текста, имя его автора и дата создания доподлинно неизвестны. Традиция приписывает авторство «Записей о людях и провинциях» пятому *сиккэн* (фактическому главе военного правительства) из рода Ходзэ, Токиёри (1227–1263). Большинство сохранившихся версий имеют в конце, наряду с указанием имени переписчика, запись о том, что «этот текст написан вставшим на путь из храма Саймэджи во время тайных странствий по всем провинциям» [Дзинкокуки синдзинкокуки 1987, 100]. Историки характеризуют правление Токиёри как период наивысшего расцвета системы *сиккэн*, а самого политика называют умелым управленцем и хорошим дипломатом, наладившим отношения между кланом Ходзэ и императорским двором [Yamamura (ed.) 1990, 129]. Токиёри формально оставил высокий пост в 1256 г., стал монахом дзэнского храма Саймэджи и принял монашеское имя Досу, однако не ушел из политики и сохранял главную роль в сёгунате до своей смерти в 1263 г. [Sansom 1990, 413–417]. Образ мудрого правителя, желающего помочь народу справиться с тяготами и улучшить управление, на личном опыте понять истинное положение дел в провинциях, закрепляется за Токиёри в нескольких преданиях, согласно которым он после принятия пострига тайно отправился в путешествие по всем японским землям, чтобы узнать настроения людей и увидеть своими глазами работу провинциальных чиновников [Кюсин дзинкокуки 1948, 16–17]. Предисловие к «Новым записям о людях и провинциях» Сэки Соко начинается с пересказа этого предания: «В древности *дзэнко* из храма Саймэджи тайно обошел все провинции, открыл припрятанные богатства провинциальных чиновников, слушал жалобы низкого люда и освобождал их от вины, помогал управлению и развивал учение. В это время он наблюдал чувства и настроения в народе и составил “Записи о людях и провинциях”» [Дзинкокуки синдзинкокуки 1987, 105]. Имя Токиёри упоминается и в послесловии к «Син дзинкокуки», но уже с долей сомнения в его авторстве [Там же, 280]. О Ходзэ как о составителе «Дзинкокуки» говорится в «Ии кэ хисё», «Тайных записях дома Ии», хранящихся в Управлении делами императорского двора Японии. Согласно этому тексту, прославленный средневековый полководец Такэда Сингэн (1521–1573) пользовался записями «господина из Саймэджи» в качестве учебника по военному мастерству [Кюсин дзинкокуки 1948, 8–9]. Сингэн занимался разведкой в провинциях и использовал «Дзинкокуки» для лучшего понимания методов подчинения местного населения, учитывая особенности их нравов и поведения. Особенное внимание он уделял провинциям Ямасиро, Харима, Исэ, Оми, Этидзэн. Цитаты из разделов с описаниями этих

мест он якобы даже записал на веере и демонстрировал своим воинам в качестве наглядного пособия при обучении ратному делу. Цитаты и парафразы из «Дзинкокуки» обнаруживаются также в военном трактате «Коё гункан» (1586 г.) клана Такэда [Дзинкокуки синдзинкокуки 1987, 286]. О том, что Сингэн был знаком с «Записями о людях и провинциях», пишет и Сэки Соко в своей версии описания провинции Каи: «По словам господина Такэда Сингэн, как видно из “Нинкокуки” господина из Саймэджи, в провинциях Танго и Ивами такие нравы, что на тысячу, десять тысяч человек один хороший – и то редкость» [Дзинкокуки синдзинкокуки 1987, 134].

Более ранних упоминаний памятника обнаружить не удается. Хотя комментаторы и переписчики текста в XVIII–XIX вв. нередко подвергали сомнению авторство Токиёри, первое издание «Дзинкокуки» в XX в. датирует текст периодом Камакура и приписывает его кисти *сиккэн* [Дзинкокуки 1911]. Современная позиция по этому вопросу следует за изысканиями психолога Ватанабэ Тоору (1883–1957), который в 1948 г. осуществил первую научную публикацию обеих версий текста, снабдил их подробным комментарием и вступительной статьей. Согласно Ватанабэ, «Дзинкокуки» не мог быть написан раньше XVI в. Благодаря текстологическому анализу ученому удалось сузить временные рамки его появления: 1529–1569 гг. В качестве аргументов он приводит использование слова *сэнгоку* в значении «воюющих провинций», чего не могло быть до 1468 г., отсылки к восстаниям *икки* 1487 г., описание реалий начала XVI в., а также указывает на обозначение отдельных событий в тексте как «прежних» и «нынешних» [Кюсин дзинкокуки 1948, 21–23]. Наиболее ранняя из сохранившихся рукописей, так называемая *Байринбон*, однако, относится уже к 1686 г. Она выполнена Курокава Дою (1623–1691), врачом из провинции Аки, который узнал о существовании «Дзинкокуки» из «Тайных записей дома Ии», одолжил рукопись у некоего Оти Масамити, когда перебрался в Киото, и завершил ее переписку в 15-й день 9-й луны 3-го года *Дзёкё* [Там же, 24]. Атрибуция текста XVI в. всё еще позволяет характеризовать его как первое в Японии комплексное описание природных и топографических особенностей всех провинций страны с последовательно проводимой идеей о связи естественных условий обитания с характерами и нравами людей конкретной местности. Те же древние *фудоки* описывали лишь отдельные провинции и составлялись по определенному плану, но при этом их повествование не подчинялось строгой, заранее сформулированной концепции. Иными словами, японские исследователи, занимавшиеся изучением «Дзинкокуки» и «Син дзинкокуки», предлагают рассматривать данные тексты в качестве наиболее ранних в японской словесности примеров трудов, которые можно отнести к «гуманитарной географии». Ватанабэ Тоору видит в них также зачатки геопсихологии [Там же, 8].

Имя создателя «Дзинкокуки» исследователю установить не удалось. Ватанабэ приводит лишь несколько общих соображений, согласно которым этот текст в силу его стилистического единства позволительно приписать кисти одного автора, который в действительности мог обойти множество японских провинций, имел отношение к военному ремеслу и опыт боевой практики, испытывал интерес к политическим вопросам, был сведущ в конфуцианском учении [Там же, 14–15]. Предполагаемый автор, вероятно, был выходцем из провинции Синано (современная префектура Нагано), в пользу чего свидетельствует благожелательное описание данной местности в тексте.

Автором «Новых записей о людях и провинциях» является конфуцианский мыслитель, картограф Сэки Соко. До публикации в 2012 г. монографии Касаи Кадзухиро сведения о нем носили крайне обрывочный характер. Известно, что он был дружен с учеником поэта Басё (1644–1694), Каваи Сора (1649–1710), имел тягу к путешествиям, составил несколько географических трудов, а в 1700 г. приступил к редактированию «Записей о людях и провинциях», издав книгу в 1701 г. [Касаи 2012, 106–138, 242–249]. Стоит отметить, что сам Сэки озаглавил текст также «Дзинкокуки». Во избежание путаницы уже в XX в. было принято называть версию 1701 г. «Новыми записями о людях и провинциях». Сэки расширил исходный текст, добавил более детальное

описание местности, включил упоминание значимых топонимов, проследил динамику нравов, сравнив реалии, описанные в «Дзинкокуки», с собственными наблюдениями и представлениями, написал предисловие и послесловие, а также снабдил описание каждой провинции картой, что позволяет назвать «Син дзинкокуки» одним из наиболее ранних японских атласов (подробно о японской картографической традиции см.: [The History of Cartography 1994, 367–497, 598–621]).

Япония во времена Сэки Соко находилась под управлением сёгуната Токугава. Период длительных междоусобных войн остался в прошлом, и издание текста «Дзинкокуки» в первоначальном виде – с рекомендациями по покорению отдельных провинций на основании нравов населения, сформированных местными географическими и климатическими особенностями, – не представлялось возможным. В предисловии Сэки постулирует зависимость человеческих качеств от свойств земли, после чего возносит хвалы нынешнему правлению, при котором людские нравы постоянно улучшаются, народ накормлен, стремится к благу и счастлив [Дзинкокуки синдзинкокуки 1987, 105]. А.Н. Мещеряков пишет: «Таким образом, признавая первостепенное значение природного фактора, автор утверждает что он подлежит корректировке со стороны власти. Собственно говоря, в этом и состоит задача мудрого правителя: используя и учитывая природные свойства людей, обратить их на решительное улучшение этой природности» [Мещеряков 2014, 223]. Ватанабэ, характеризуя текст Сэки, отмечает: «Внешне это военный трактат, но содержание – это трактат по личностной психологии на основе переработанного старого текста “Дзинкокуки”» [Дзинкокуки синдзинкокуки 1987, 284]. Но и в первоначальном варианте «Записей о людях и провинциях» прослеживается самостоятельный интерес к исследованию взаимосвязи среды обитания и человека, который не ограничивается прагматической военной целью. В конце памятника приводится пространное рассуждение о принципах мироустройства с цитатами из китайской классики, сравнивается поведение людей и животных, затрагивается вопрос исправления дурных обычаев и улучшения методов политического управления [Там же, 96–97]. Сэки Соко развивает эти идеи и адаптирует материал под современные ему реалии. Необходимость учитывать возможные санкции со стороны власти при наличии в тексте критики режима в результате приводит к более четко проводимой идее исторической динамики нравов, не эксплицированной в «Дзинкокуки». «Син дзинкокуки» также отличается упоминанием персоналий (Такэда Сингэн, император Дзимму, «шайка» Акамацу Норимура и т. д.), отдельных топонимов, гораздо более подробными климатическими и топографическими описаниями провинций.

Сэки Соко, однако, сохраняет общий понятийный аппарат исходного текста, в отдельных случаях поясняя его на новых примерах. Остановимся подробнее на послесловии к «Дзинкокуки». В нем говорится о порождении всего сущего согласно следованию изначальному принципу *дори*, причем вещи и явления не одинаковы по причине неравномерного распределения энергии (пневмы) *ки* и изначальной «чистоты» или «замутненности», что соответствует светлому (*ян*) и темному (*инь*) началам. Рассуждение в духе конфуцианской философской мысли, содержащее цитаты из китайского философского трактата «Хуайнань-цзы» (II в. до н.э.) и использующее также буддийскую терминологию, от общих вопросов мироустройства постепенно переходит к частному – различию свойств, характерных как для человека, так и для животных и растений: «Среди четырех видов живого – [возникшего из] теплы, утробы, яйца, [путем] трансформации – есть птицы и звери, рыбы и насекомые, травы и деревья. У людей есть священная мудрость и благое знание, есть также дурное и недостойное. Даже в птицах и зверях присутствует немного души-*кокоро*. Даже хищные звери любят своих детей, даже пчелы и муравьи знают, что такое следовать пути господина и подданного, следовать этикету *рэй*, [соблюдая различия между] верхом и низом, а камышевки ищут приют, устраивая гнезда. Хотя и говорят, что у трав и деревьев нет души-*кокоро*, но и они могут быть большими и малыми, длинными и короткими, изменяясь... Бывает, что и человек обликом прекрасен, а душой-*кокоро* грязен, или обликом ужасен и душой-*кокоро* отвратителен, или же обликом ужасен, а душой-*кокоро* прям. Все

проистекает из того, что изначальные свойства энергии *ки* всех существ не одинаковы» [Дзинкокуки синдзинкокуки 1987, 96]. Далее следует парафраз раздела «Хуайнань-цзы» «Земные формы» [Хуайнань-цзы 2004, 78], в котором говорится о взаимосвязи врожденных качеств людей и особенностей земли: «Люди твердой земли тверды, люди мягкой земли слабы, люди на дышащей земле красивы, люди на убыточной земле уродливы. Там, где воздух болотист, много женщин, в горном воздухе много мужчин, в холмистом воздухе много сумасшедших, там, где широкий воздух, много человеколюбивых» [Дзинкокуки синдзинкокуки 1987, 97]. В заключительной части говорится о возможности «выпрямления», улучшения нравов и обычаев людей при помощи трех учений – конфуцианства, буддизма и синтоизма, – а также непрерывных увещаний и разъяснений принципов отличия благого от дурного. Однако все эти меры эффективны лишь после выявления людских качеств в конкретной местности.

В послесловии к «Новым записям о людях и провинциях» Сэки Соко обходится без прямого цитирования китайской классики и сложных философских построений, но выражает ту же идею: «Жизнь народа подобна растениям. В зависимости от почвы, они цветут или увядают, в зависимости от того, как их поливать, будет шлифоваться их характер... В людях, что живут на плодородных почвах, талантов нет, а люди, что живут на дурных почвах, обращаются в сторону долга *ги*. На крутых обрывах и глубоких ущельях люди прямые и бесхитростные, на широких равнинах и морском побережье – велеречивые. Причина всему этому – природа воздуха, воды и почвы» [Там же, 280].

Почти все записи обеих версий «Дзинкокуки» содержат оценочные характеристики качеств местного населения, и главными критериями, позволяющими определить нравы как дурные или хорошие, являются, как правило, категории, характерные для понятийного аппарата самурайской традиции. К таковым относятся: *гири* – чувство долга; *дори* – следование изначальному принципу, разумность, «правильность» поступков; *катаги* (*гэги*) – манеры, умение держать «церемониальную форму», придавать своему телу соответствующее статусу положение (распространяется также на состояние одежды и оружия); *магокоро* (*дзицуги*) – преданность, верность долгу, исполнение обязанностей в соответствии с занимаемым положением, искренность; *ко* – сыновняя почтительность; *тю* – преданность господину.

Отдельно описываются характеристики в зависимости от сословной (самурай, крестьянин, горожанин или торговец) и гендерной принадлежности. Для самураев показателем нравов является наличие храбрости или героизма (яп. *ю*) и готовность пожертвовать жизнью ради служения господину (провинции Тотоми, Каи, Ава, Будзэн, Хидзэн, Хюга, Оосуи, Сацума). При этом безрассудство и вспыльчивость, приводящее к тому, что воины перестают ценить жизнь, описывается как порок. В записях о провинции Каи в «Дзинкокуки» говорится, что из-за чрезмерной отваги и неосмотрительности нравы здесь жестокие, а принципы сыновней почтительности и вассального долга нарушаются. В качестве иллюстрации нравов приводится следующее описание: «Героизм здесь настолько развит, что даже со смертью никто не считается, настолько все отважные. Например, если на поле боя родителя убьют на глазах ребенка, то ребенок переступит через его мертвое тело и падет в сражении вместе с ним, а если ребенок погибнет, то родитель поступит так же» [Там же, 33].

Для крестьян и горожан значимыми характеристиками являются законопослушность *рицуги*, соблюдение принципов иерархии, порядочность, прямота (Синано, Дэва, Битту, Тоса). Отсутствие какого-либо из данных качеств у подавляющего большинства населения конкретной провинции приводит к распространению лести, заискивания перед сильным или богатым, воровства и разбоя. Например, о нравах и обычаях провинции Ига сообщается следующее: «Истинность здесь полностью утрачена. Алчность глубока. С давних пор, день за днем, ночь за ночью, земельные управители обманывают крестьян и грабят их, преступая закон. Крестьяне же днем и ночью думают, как бы ограбить земельных управителей, и поскольку здесь никто и во сне даже не видел, что такое следование принципу долга *гири*, то и самурайские обычаи применять бесполезно» [Там же, 25]. В характере женщин отмечается усердие, прилежность, стыдливость

(Микава). Такие качества, как ум, сообразительность, прямота, настойчивость, не имеют постоянной положительной или отрицательной оценочной характеристики и зависят от того, соответствуют ли они, во-первых, поведению, приличному для представителя определенного сословия, во-вторых, стремлению к исполнению долга и проявлению преданности.

Отдельный интерес представляют сообщения, напрямую говорящие о влиянии природных факторов на облик, речь, характер и поведение людей. В записях о провинции Ямасиро в «Дзинкокуки» сказано, что на эти показатели влияют местная речная вода и почва: «Речь как мужчин, так и женщин от природы четкая и понятная. Ее чистоту можно уподобить беспрепятственно струящейся проточной воде. Правда ли то, что обычаи этой провинции таковы из-за здешней воды? Чистая вода Ямасиро окрашена десятками тысячами цветов, и эти цвета совершенно отличаются от тех, что в других провинциях, так было в древности, так есть и сейчас. Подобно этому, и кожа людей остается такой же гладкой. И ни в одной другой провинции так не распространено столь женственное произношение. Однако самурайские обычаи здесь не в почете и совсем не так хороши» [Дзинкокуки синдзинкокуки 1987, 15]. Сэки Соко несколько расширяет описание этой провинции: «Однако в пределах одной провинции, на юге, севере, востоке, западе, есть небольшие различия, в особенности в северных горах люди обладают прямой душой. Если кто в тех глубоких долинах взращен, то таким будет. Если же обычаев этой провинции не избежит, то будет распущенным и изнеженным, как и все прочие здесь» [Там же, 107]. Частой является характеристика людей отдаленных провинций как упрямых (Дэва), обитателей мест с мягким климатом как изнеженных и ленивых (Кага), жителей холодных земель как сообразительных и смекалистых (Этидзэн).

В целом оба памятника описывают своеобразие нравов людей всех японских провинций как следствие особенностей природно-климатических условий, однако данные нравы в отличие от среды мыслятся как подвластные изменениям, при должном воздействии на них с учетом природного фактора могут быть улучшены.

«Записи о людях и провинциях»: исследования природы и природа исследований

С формированием государства-нации в период Мэйдзи (1868–1912) интерес к особенностям людей отдельных провинций сменяется изучением и формулированием характерных черт поведения, мышления и мировосприятия «японцев». Методология западных наук активно применяется к японскому материалу для поиска собственных исторических и культурных ориентиров, и нередко тогдашние ученые обращали внимание на текст «Дзинкокуки». Одним из первых, кто заговорил о важности данного памятника для изучения психологии японцев, был Такасима Хэйдзабуро. В его «Заметках о психологии» (1898 г.) приводятся сокращенные описания десяти провинций, взятые из «Дзинкокуки». Принцип выборки автор объясняет стремлением продемонстрировать «характеры людей, проживающих в ключевых районах страны» [Такасима 1898, 43]. Такасима никак не комментирует сами фрагменты, и читатель, по-видимому, должен самостоятельно сделать выводы из представленной информации. Вероятно, на примере провинции Оосуми психолог стремился продемонстрировать специфику отношения к смерти, Нагато – к просьбам и обязательствам, Тоса – связь между поведением человека и животных под воздействием естественных факторов, Хиго – мягкость самурайских нравов и т. д.

«Записи о людях и провинциях» также упоминаются в ряде географических и этнографических сочинений. Особого внимания заслуживает попытка идеологической интерпретации памятника японскими авторами в период милитаризации. В 1943 г. вышла книга Ватари Сёдзабуро (1873–1946) «*Ямато дамасии-но кэнкю*» («Исследования духа Японии»), в которой рассказывается об истории становления японского самосознания, выражающегося в верноподданничестве, патриотизме и самоотверженности.

Один из разделов объемного труда посвящен обоснованию превосходства Японии над остальными странами. Так, опираясь на идею взаимосвязи природных условий и людских качеств и подкрепляя рассуждения цитатами из различных сочинений, в том числе «Дзинкокуки», Ватари утверждает, что Япония богата светлым, «янным» началом, а поэтому лучше, например, Китая, который представляет собой сосредоточение темного начала «инь» [Ватари 1943, 325–348]. Отдельная глава рассматривает влияние природных условий на формирование морали японцев и становление воинского духа [Там же, 280]. «Дзинкокуки» для Ватари – один их этапов развития японского самосознания и источник по изучению философии *бусидо*. Особенно примечательным для него видится употребление этого термина в записи о провинции Иё. Традиционно считается, что слово «бусидо» впервые встречается в «*Коё гункан*», но текст «Записей о людях и провинциях» был составлен несколько раньше [Там же, 331–333].

Главным исследователем «Дзинкокуки», опубликованным в 1948 г. первое научное комментированное издание памятника, является Ватанабэ Тоору. Он известен как один из первопроходцев японской психологической науки. Ватанабэ познакомил японский научный мир с теорией психологии личности Уильяма Штерна (1871–1938), выпустив в 1912 г. книгу «Дзинкакурон» («Рассуждения о личности»). Во введении он пишет о психологии личности как о дисциплине, важной для осознания процессов, происходящих в японском обществе периода модернизации. По его мнению, продвижение этой дисциплины позволит Японии обрести самостоятельность в научном мире, заявить о себе, избавив от зависимости от западного знания [Ватанабэ 1912, 9]. Пишет он и о том, что изучение личности находится на стыке этики, педагогики и биологии [Там же, 13–14]. В дальнейшем, развивая эти мысли, он обратится к изучению психологии среды. В 1915 г. Ватанабэ выступил переводчиком книги «*Die geopsychischen erscheinungen*» («Геопсихологические явления», 1911. Переиздана в 1935 г. под названием «*Geopsyche*», «Геопсихология») основателя этого научного направления (психология среды, геопсихология, энвайроментальная психология), немецкого ученого Вилли Гельпах (1877–1955). На японском языке книга получила заглавие «*Фудо синригаку*», что можно условно перевести как «Психология природных условий». В работе описывалось влияние природных факторов и условий окружающей среды на формирование личности и поведенческих установок отдельных сообществ. В предисловии к японскому изданию сообщалось, что подобных исследований мировая наука еще не знает и перевод данной книги способен повлиять на популяризацию нового направления в японском обществе. Отдельно указано, что оригинал написан на сложном профессиональном языке и изобилует психологическими терминами. По этой причине Ватанабэ пришлось прибегать к упрощениям и сокращениям фрагментов текста, чтобы сделать труд Гельпах доступным для японского читателя [Гельпах 1915, 1–3]. Апелляции к особенностям природных условий для обоснования специфики качеств людей, проживающих на конкретной территории, и ранее встречались в работах японских авторов, например, в книге Сига Сигэтака «Японский ландшафт» («*Нихон фукэйрон*», 1894 г.) [Мещеряков 2014, 313–337], но Ватанабэ настаивал на научном подходе к изучению этого влияния. В чем-то он предвосхитил изыскания Вацуэи Тэцуро, изложенные в книге 1935 г. «*Фудо*» («Природные условия»), где философ размышляет о влиянии климатического и природного факторов на формирование национального характера японцев [Там же, 395–405], и естественника Тэрада Торахико [Там же, 406–416].

Возможно, изучение психологии личности и геопсихологии, а также явное стремление Ватанабэ поспособствовать обретению японской наукой самостоятельности натолкнуло его на необходимость изучения японских источников. Еще одним шагом к исследованию психологии среды в историческом ракурсе на японском материале стал выход в 1918 г. книги «*Кокумин дотокү ёрё*» («Сущность морали японского народа»). Тенденциозный характер работы прослеживается с самого начала – на первых страницах помещен текст императорского «Рескрипта об образовании» от 30 октября 1890 г., в котором говорится о необходимости соблюдения принципов сыновней почтительности, патриотизма и развития нравственных качеств подданного. Следом приводится

текст «*Босин сёсё*» («Указ *босин*») от 13 октября 1908 г., в котором подчеркивается необходимость морального воспитания нации, послуживший формальным началом государственной кампании по улучшению экономического состояния периферии (*тихо кайрё ундо*, 1909 г.). Улучшать периферию планировалось с помощью пестования в подданных должных качеств. Ватанабэ во вступлении подчеркивает роль науки – в частности, психологии – в деле формирования основ процветающего государства. Он указывает на необходимость изучения нравов и поведенческих моделей японских подданных в различных частях империи для успешного функционирования государственного строя, именуемого «*кокутай*» (дословно – «государственное тело»), чем оправдывает существование психологии личности и защищает эту область от возможных обвинений в индивидуалистическом уклоне [Ватанабэ 1918, 3]. В работе описываются различные варианты взаимодействия индивидуальной и групповой морали и ответственности [Там же, 12], связь между моралью подданных и государственным устройством [Там же, 3], бытовым и политическим пониманием этого термина [Там же, 41]. Развитие морали народа Ватанабэ ставит в подчиненное положение по отношению к государственному строю. Государственный строй Японии уникален благодаря системе управления – во главе государства находится единая и непрерывная династия божественных августейших правителей, сама же Япония расположена в благоприятных климатических условиях, щедро освещается солнцем, имеет плодородные почвы [Там же, 2–3], а «народный характер» (*кокуминсэй*) в огромной степени зависит от природного фактора [Там же, 10]. Главными качествами, существующими от природы и улучшающимися под влиянием особенностей политической системы в японском народе с древних времен, по Ватанабэ, являются верность (*тю*) и сыновья почтительность (*ко*), которые находятся в единстве [Там же, 14]. Долг (*гу*) и забота (*дзё*) (категории, характеризующие, соответственно, отношения «господин – подданный» и «родитель – ребенок»), таким образом, также объединяются в неразрывную семантическую пару. В терминологии «*Дзинкокуки*» все эти категории, наряду с героизмом и отвагой, являются основными критериями для определения качества нравов и обычаев людей. По Ватанабэ, уникальность Японии по отношению к Китаю заключается в том, что там эти категории не распространяются на государство и применимы только к семье, в Европе же их проявление определяется не естественными причинами, а поиском личной выгоды или бывает спровоцировано силовым давлением [Там же, 15]. Обращаясь к историческим примерам проявления специфически японского характера, Ватанабэ указывает на самураев как наиболее явных носителей *ямато дамасии*, или *яматогокуро*, «духа Японии», приписывая им обладание одновременно такими качествами, как почтительность, верность, отвага и патриотизм, которые доходят до степени самопожертвования [Там же, 26]. В этой связи выбор «*Дзинкокуки*» в качестве основного текста для исследований Ватанабэ выглядит уже вполне закономерным.

Непосредственно к изучению аспектов исторической психологии на материале «*Дзинкокуки*» Ватанабэ обращается в 1937 г. с целью продемонстрировать самостоятельный характер развития психологии восприятия среды в Японии. Изыскания обрели законченную форму уже в послевоенный период с публикацией в 1948 г. книги «*Кю син дзинкокуки*» с обстоятельной вступительной статьей и комментариями. Ватанабэ помимо сугубо текстологических вопросов затрагивает и специфику исторического восприятия природы и влияния природного фактора на формирование японского характера. В условиях послевоенной цензуры и общей смены идеологического курса подобная работа не могла превозносить японскую культуру – курс здесь строится уже вокруг ее самостоятельности, сложившейся благодаря естественному развитию [Кюсин дзинкокуки 1948, 33]. Ватанабэ пишет, что, несмотря на обилие внешних факторов, влиявших на формирование японского мировоззрения, идеи, представленные в обеих версиях «*Дзинкокуки*», следует признать самобытными. Приводя в качестве примера описание провинции Ямасиро, где говорится о том, что чистая речь, гладкая кожа и мягкие нравы здешних жителей определяются качеством воды местных быстрых и чистых рек и свойствами почвы, он напрямую заявляет, что в этом можно

усмотреть зачатки геопсихологии [Кюсин дзинкокуки 1948, 36]. Последнее на данный момент научное издание «Дзинкокуки» и «Син дзинкокуки» с комментариями Асано Кэндзи увидело свет в 1987 г., однако оно не предлагает принципиально нового подхода к осмыслению данных текстов, в целом следуя за исследованиями Ватанабэ и резюмируя его основные выводы.

«Записи о людях и провинциях» в разное время использовались как пособие по военному искусству, изучались как памятник геопсихологии, привлекались для изысканий в области истории *бусидо*, выступали элементом государственной пропаганды в процессе поиска основ «духа Японии», цитировались с целью насмешки и удовлетворения потребности в ощущении собственного превосходства. Наличие двух версий текста и проблемы с определением автора «Дзинкокуки» также не упрощают исследование, однако при этом открывают возможные перспективы для продолжения изучения как самого памятника, так и его дальнейшего бытования в информационной среде.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Ватанабэ 1912 – *Ватанабэ Тоору*. Дзинкакурон [Рассуждения о личности]. Токио: Сэйбидо, 1912 (Watanabe Tooru, *Jinkakuron* [About personality], in Japanese).

Ватанабэ 1918 – *Ватанабэ Тоору*. Кокумин дотоку ёрё [Сущность морали японского народа]. Токио: Тююкан, 1918 (Watanabe Tooru, *Kokumin dotoku yoryo* [The essence of moral of the Japanese people], in Japanese).

Ватари 1943 – *Ватари Сёдзабуро*. Ямато дамасии кэнкю [Исследования японского духа]. Токио: Тюбункан, 1943 (Watari Shozaburo, *Yamato damashii no kenkyu* [Studies of *yamato-damashii*], in Japanese).

Гельпах 1915 – *Хэрупахха, Уирури*. Фудо синригаку [Гельпах В. Психология природных условий]. Пер. на японский Ватанабэ Тоору. Токио: Дайнихон буммэйкёкай канкосё, 1915 (Hellpach, Willy, *Die geopsychischen Erscheinungen*, Translated into Japanese by Watanabe Tooru).

Дзинкокуки 1911 – Рокудзюрокусю дзинкокуки [Записи о людях и провинциях 66 земель]. Под ред. Сига Рюко. Токио: Ракуёдо, 1911 (*Jinkokuki of Sixty-six lands*, in Japanese, ed. Shiga Ryuko).

Дзинкокуки web – Дзинкокуки дзаккури то гэндайгояку [«Записи и людях и провинциях»: приблизительный перевод на современный японский язык]. <http://dettalant.hatenablog.com/entry/Translation/01> (Jinkokuki, a rough translation into modern Japanese, in Japanese)

Дзинкокуки синдзинкокуки 1987 – Дзинокуки. Синдзинкокуки [Записи о людях и провинциях; Новые «Записи о людях и провинциях»]. Под ред. Асано Кэндзи. Токио: Иванами, 1987 (*Jinkokuki, Shin-jinkokuki* in Japanese, ed. Asano Kenji).

Древние фудоки 1969 – Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн). Перевод, комментарии и предисловие К.А. Попова. М.: Наука, 1966 (*Ancient fudoki*, Translated into Russian by K. Popov).

Идзумо-фудоки 1966 – Идзумо-фудоки. Перевод, комментарии и предисловие К.А. Попова. М.: Наука, 1966 (*Izumo fudoki*, Translated into Russian by K. Popov).

Кюсин дзинкокуки 1948 – Кюсин Дзинкокуки (Старые и новые «Записи о людях и провинциях»). Под ред. Ватанабэ Тоору. Токио: Сэкайся, 1948 (*Kyushin Jinkokuki* in Japanese, ed. Watanabe Tooru).

Сёку нихонги 2018 – Продолжение «Анналов Японии». Перевод со старояпонского А.Н. Мещерякова. М.: Дело, 2018 (*Shoku Nihongi*, Translated into Russian by Alexander N. Meshcheryakov).

Такасима 1898 – *Такасима Хэйдзабуро*. Синри мампицу [Заметки о психологии]. Токио: Кайхачуся, 1898 (Takashima Heizaburo, *Shinri manhitsu* [Essays in psychology], in Japanese).

Хуайнань-цзы 2004 – Философы из Хуайнани. Хуайнаньцзы. Перевод с китайского, вступительная статья, примечания, указатели Л.Е. Померанцевой. М.: Мысль, 2004 (*Huainanzi*, Translated into Russian by L. Pomerantseva).

Ссылки – References in Russian and Japanese

Касаи 2012 – *Касаи Кадзухиро*. Сэки Соко но кисэки. Тидзу-но сэнкюся хаккэн! (По следам Сэки Соко. Открытие пионера картографии!). Кобэ: Кобэ симбун сого сьюппан сэнта, 2012.

Мещеряков 2001 – *Мещеряков А.Н.* Культурные функции японских топонимов // Вестник РГГУ. 2001. № 4. Кн. 2. С. 290–310.

Мещеряков 2014 – *Мещеряков А.Н.* Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. М.: Дело, 2014.

Симонова-Гудзенко 2016 – Симонова-Гудзенко Е. К. Топоним в политической культуре средне-вековой Японии // Японские исследования. 2016. № 2. С. 26–42.

Укия и др. 2014 web – Укия Сюити, Омуро Масао, Фудзита Сюити. Дзинкокуки-но синрига-кутэки кэнкю [Психологическое исследование «Записей о людях и провинциях»] http://www.myschedule.jp/jpa2014/tex_output/source/jpa2014_poster/90687.pdf

Укия и др. 2015 web – Укия Сюити, Омуро Масао, Фудзита Сюити. Наганонин. Синсю: Сина-но кунитито ва донна сэйкаку ка [Люди префектуры Нагано. Какой характер у жителей Синано]. https://www.jstage.jst.go.jp/article/amjspp/20/0/20_123/_pdf

References

Drixler, Fabian (2013). *Mabiki. Infanticide and Population Growth in Eastern Japan, 1660–1950*, University of California Press, Berkley.

Kasai, Kazuhiro (2012) *Chasing Seki Soko. The discovery of the Japanese cartography foregoer!* Kobe shimbun sogo shuppan senta, Kobe.

Meshcheryakov, Aleksander N. (2001) “Cultural functions of Japanese place names”, *Vestnik RGGU*, Vol. 4, Issue 2, pp. 290–310.

Meshcheryakov, Aleksander N. (2014) *Terra Nipponica: natural habitat and habitat of imagination*, Delo, Moscow (in Russian).

Sansom, George (1990) *A History of Japan to 1334*, Charles E. Tuttle Company, Tokyo.

Simonova-Gudzenko, Ekaterina K. (2016) “The role of place names in the political culture of medieval Japan”, *Japonskie issledovaniya*, Vol. 2, pp. 26–42.

Yamamura, Kozo, Ed. (1990) *The Cambridge History of Japan. Volume 3. Medieval Japan*, Cambridge University Press, Cambridge.

Woodward, David, Harley. J. Brian, Eds. (1994) *The History of Cartography, Volume 2, Book 2: Cartography in the Traditional East and Southeast Asian Societies*, The University of Chicago Press, Chicago.

Ukiya, Shuichi, Ohmura, Masao, Fujita, Shuichi (2014) *Psychological studies of Jinkokuki*, http://www.myschedule.jp/jpa2014/tex_output/source/jpa2014_poster/90687.pdf

Ukiya, Shuichi, Ohmura, Masao, Fujita, Shuichi (2015) *A man from Nagano prefecture. What kind of personalities do people from Shinano have*, https://www.jstage.jst.go.jp/article/amjspp/20/0/20_123/_pdf

Wigen, Kären (2010) *Malleable Map. Geographies of Restoration in Central Japan*. University of California Press, Berkley.

Сведения об авторе

РОДИН Степан Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент Института классического востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Author's Information

RODIN Stepan A. – CSc in History, Associate Professor, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University “Higher School of Economics”.